

Издание осуществлено
Высшей гуманитарной школой им. С. Дубова
при поддержке группы «Ариэль»

ЦНИОИ
Центр Независимых
Социологических Исследований
Санкт-Петербург

ДИАСПОРЫ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит четыре раза в год
Год издания восьмой

2
2006

МОСКВА

АРМЯНЕ ПЕТЕРБУРГА: ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ К ОБЩИНЫМ ИНСТИТУТАМ

Елена Чикадзе

В период перестройки в Ленинграде, как и в других городах России, наблюдалось массовое образование и интенсивное развитие этнических организаций. Их появление не рассматривалось российскими социологами в парадигме общественных движений. Между тем процесс становления этнических общин имеет во многом «движенческий» характер. Он вполне может быть описан в категориях социологии общественных движений и отнесен к тем из них, которые «ведут борьбу в первую очередь не за изменение системы производства и распределения материальных благ, а за овладение символическим пространством»¹. Данная статья представляет собой попытку восполнить имеющийся пробел и проанализировать развитие армянской общины Петербурга в парадигме мобилизации ресурсов.

Работа написана на материалах исследований 1993–1999 гг., проводившихся качественными методами Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург): «Формирование этнических общин Петербурга и Берлина», где нас интересовали вопросы конструирования этничности и возникновения общин², и «Кавказцы в большом городе: интеграция на фоне ксенофобии (на примере Петербурга)», где в центре нашего внимания была проблема этнических ниш в экономике³. Далее будет поэтапно описан жизненный цикл движения, от его возникновения до успешного «завершения».

Чикадзе Елена Захаровна, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (г. Санкт-Петербург).

Этнограф, 2000, 1-2

Латентная форма движения (1975–1985 гг.)

Армяне Петербурга первыми среди этнических групп города официально зарегистрировали свою организацию. Ее лидеры объясняют это обстоятельство тем, что работа по мобилизации армян в городе велась еще в советское время: «В 89-м году появилась юридическая возможность, и первой была армянская (организация. — Е. Ч.), в Союзе вообще первая, потому что давно уже была готова к этому» (из интервью с А., одним из активистов движения). «Во-первых, в этом городе движение всегда было. У меня приятели в институте были, <...> армяне, которые принимали участие в этих делах. Так что здесь пустое место нельзя сказать, чтоб было» (из интервью с В., одним из лидеров церковной общины).

Действительно, в середине 70-х гг. была предпринята попытка организовать в Ленинграде «армянскую жизнь». В роли инициаторов выступили «армянские» армяне⁴, что представляется закономерным. Это связано, во-первых, со средой их социализации — они, в отличие от ленинградских, азербайджанских и других армян, росли, как правило, в моноэтнической армянской среде и, оказавшись в крупном российском городе, испытывали большую потребность в общении с земляками⁵. Во-вторых, по свидетельству многих наших информантов, только в Армении 24 апреля проходил день поминовения жертв турецкого геноцида 1915 г. Выросшие в других местах страны даже не всегда знали об этой дате. Но именно вокруг нее и начинается строительство «армянской жизни» в Ленинграде.

Здесь мы имеем дело с символической датой, играющей ключевую роль в зарождении групповой идентичности. В основе исторической памяти армян — идея «страшной судьбы вечных изгоев». Геноцид армян, сужение Великой Армении «от моря до моря» до небольшой горной страны не только окрашивают историю народа в трагические тона, но и требуют солидарности, которая базируется прежде всего на том, что армяне маленький народ, в силу трагических обстоятельств разбросанный по всему миру.

С 50-летием геноцида (1965 г.) связывают рост национального самосознания в Армении. А в Ленинграде с этого же времени начинают ежегодно проводить день памяти: «Я впервые встретила с армянской общиной, когда однажды, это было

в 60-е годы, мне позвонили, что в кафе «Севан», по-моему, 24 апреля будут отмечать день геноцида армянского. И вот впервые я пришла туда и увидела много армян, <...> я услышала такую чисто армянскую речь, и <...> совсем другой мир был для меня, потому что я оторвалась очень от... Я в Ереван не ездила, у меня денег не было ездить... А потом это стало каждый год повторяться. Каждый год 24 апреля» (из интервью с К., «армянской» армянкой). Такие встречи, носившие в значительной мере земляческий характер, по свидетельству наших информантов, проходили в различных армянских кругах Ленинграда, и их организаторы не ставили перед собой каких-либо конкретных задач.

В 70-е гг. в Ленинграде появляются молодые люди из Армении, которые выступают в качестве лидеров-организаторов и пытаются мобилизовать ленинградских армян на создание культурного общества. Один из инициаторов движения так обрисовал стоявшую перед ними цель: «Сознательно это формулировалось конкретно, конкретная задача ставилась (т. е. создание культурного общества. — Е. Ч.). Но шире это было — поиск своего естественного состояния, удовлетворения от своего естественного состояния». Иными словами, предполагалась борьба за право на реализацию культурных, национальных потребностей.

Для того, чтобы обеспечить успех задуманного, организаторы собирают достаточно известных в городе людей. Одна из приглашенных деятелей культуры вспоминает: «А потом <...>, это было в 70-е годы, мне позвонили два молодых человека... И вот впервые <...> меня назвали “текина”, “текина” — это мадам по-армянски. <...> «Вот, — говорит, — мы хотим вас поздравить с 8 Марта, мы вас приглашаем в “Кавказский ресторан”. <...> Мы собираем видных армянских женщин Ленинграда». <...> Они назвали очень мной почитаемых армянок. Короче говоря, я пошла. Это был очень милый вечер, там <...> в основном сидели женщины, и эти молодые люди сказали о том, что хотели бы создать армянское общество в Ленинграде. Я сказала: всю культурную работу я возьму на себя. <...> Л., — она в Эрмитаже работает, ученый человек, — она сказала, что возьмет на себя изучение армянского языка, если создадим школу. <...> Н. обещала библиотеку армянскую подарить...» (из интервью с К.).

Инициаторы, по их признанию, добились определенного успеха в рекрутировании армян: «И уже и речи, осмысленно уже... Понимание того, что то, что есть — ненормально, надо

что-то делать, чтобы иметь возможности удовлетворить национальные потребности. <...> эти вещи, они оформились в 75-м году... Первое — это что-то такое, связанное с языком, со школой, с библиотекой» (из интервью с А.).

И все же реализовать идею культурного общества в то время оказалось невозможным. Тогда они меняют тактику, направляя усилия на открытие армянской церкви в Петербурге: «Я пришел к тому, что единственное, что реально возможно вообще, это церковь, все остальное совершенно невозможно. Я изучал опыт других... и понял, что церковь; церковь была в Москве, в Армавире. Церковь была и как бы какую-то возможность давала... И уже проводил, скажем, просветительско-агитационную работу: собрать людей, которые подпишутся под церковью... я собирал количественную массу...» (из интервью с А.).

Массовость обеспечивается на праздниках («Конечно, какие-то мероприятия проходили. Мы за город ездили, на дачи, с молодежью, праздники отмечали какие-то, свадьбы были...»), где рекрутируются уже не столько именитые, сколько «простые», не статусные армяне, поскольку акция подписания письма с просьбой открыть армянскую церковь грозит репрессиями со стороны властей. Причем, если при создании культурного общества лидеры опираются, прежде всего, на «армянских» армян (что логично, учитывая их большую потребность в национальном общении), то теперь они вовлекают в свою орбиту и «ленинградских». Для этого используются и «просветительско-агитационные» разговоры, и атрибуты бытовой национальной культуры: «Я ездил в Армению, привозил литературу... еду приносил всякую национальную, выпивку армянскую...» (из интервью с А.).

По свидетельству информантов, на многих действовало обаяние личности организатора: «он поразил меня как личность»; «как центр притяжения он свою роль сыграл». Один из информантов вспоминает: «Он (один из лидеров. — Е. Ч.) каким-то образом появился у нас в гостях на даче в Комарово. Я уж не помню, кто его привел, <...> он начал свои разговоры об армянском самосознании. Это 80-й год был или 81-й, не помню. А когда он мне предложил подписать письмо, я немедленно согласился» (из интервью с Н., «ленинградским» армянином).

В начале 80-х гг. было составлено письмо с просьбой открыть армянскую церковь в Петербурге, под которым подписалось 111 человек. Церковь не открыли, всех подписавших

прорабатывали на партийных собраниях по месту их службы, несколько человек лишились работы: «Мы в 81-м году подписали письмо с просьбой об открытии армянской церкви <...> С работы из всех 111 человек были выгнаны, по-моему, только двое, они работали сапожниками» (из интервью с Н.).

Армяне, подписавшие письмо, конечно, сознавали, что инициированная лидерами акция обречена на неудачу. Организация письма — это еще не коллективное действие, это скорее индивидуальный поступок, своего рода акт протеста против унифицированности, навязываемой государством: «И я думал, что и умру уже преподавателем, но вот тут подвернулся А., вернее подвернулось письмо, письмо с просьбой открыть армянскую церковь, которая 150 лет уже была закрыта, где я поставил подпись. Причем, когда я ставил подпись, я что-то такое почувствовал, что я сделал какой-то шаг, какой-то поступок, который что-то изменит в жизни. Ну, потому что впервые в жизни я подписывал такие письма, где надо было и фамилию, и работу, и... кое-какие данные сообщать. И я понимал, что если всего 100 человек подписало в этом городе, то наверно это так просто не кончится. Все-таки тогда подписать письмо о церкви... наверно, от глупости я это сделал. А может из тщеславия, я не знаю. Во всяком случае, А. меня об этом не просил, хотя мы были знакомы» (из интервью с Т., «ленинградским» армянином).

Деятельность лидеров-организаторов в тот период не могла привести к успеху, поскольку для этого еще не существовало политических условий. В советский период любое общественное движение могло существовать только в латентной форме, каждая попытка вывести его на «явный» уровень, т. е. в публичность, пресекалась властями⁶. По мнению сторонников теории мобилизации ресурсов, «движения возникают, когда группы недовольных приобретают надежду на успех борьбы за свои права в связи с появлением ресурсов или, шире, возможностей вести такую борьбу»⁷.

Эти возможности появляются только во время перестройки, когда изменения в политическом режиме создали условия для возникновения демократических движений, в том числе и этнических. Но «антрепренеры» армянского движения в Ленинграде справедливо полагают, что именно их деятельность 70-х — начала 80-х гг. способствовала стремительному успеху в перестроечное время: «Когда 85–86-й год (наступил. — Е. Ч.), у нас уже давно есть это заявление, подписи и все организованы,

настроены, уже связи есть, опыт какой-то. Когда появилась как бы относительная свобода, все это начало функционировать <...> в новых условиях» (из интервью с А.). Это была предварительная работа по созданию организационной группы, первый шаг к формированию успешного движения, к эффективному коллективному действию⁸.

Начало движения (1987–1988 гг.)

Основными ресурсами движения на этом этапе становятся изменение структуры политических возможностей⁹ и общедемократическое движение в стране и Ленинграде. Начало движения — это формирование инициативной группы, состоявшей в значительной мере из тех, кого еще в советское время рекрутировали лидеры. Цели, которые ставит движение, те же, что провозглашались в 70-х — начале 80-х гг.: создать условия для «армянской жизни» в городе путем открытия церкви и организации культурного общества; другими словами — добиться права на реализацию национальных потребностей.

Многие из членов группы не были ранее знакомы между собой, поэтому собственно сплочение происходит во время конкретной деятельности: хождения по инстанциям, встреч и митингов у здания церкви на Смоленском кладбище, вечеров памяти 24-го апреля. В ходе этих коллективных действий начинается и процесс формирования групповой идентичности. Из интервью с Н.: «Общины-то поначалу и не было, но <...> когда мы ходили во все эти комитеты по делам религии, когда там все эти документы двигались, я <...> первый раз виделся со многими людьми. На 24-е число мы собирались и там произносились <...> речи завуалированные и незавуалированные»¹⁰.

Организационная группа определяется западными исследователями общественных движений как один из важных мобилизационных ресурсов¹¹. Действительно, ее деятельность рекрутирует новых членов. Так, один из нынешних лидеров церковной общины вспоминает: «Я слегка интересовался вопросами истории, вспоминает: «Я слегка интересовался вопросами этой церкви, и поневоле, бывая здесь, я встретился с инициаторами открытия церкви <...> Мне в тот период нечего было делать, поэтому я мог посвятить себя этому вопросу» (из интервью с В.).

В тот период движение консолидируется с другими этническими движениями города. В 1988 г. создается группа «Единение», куда входили представители различных этнических общин города. Она просуществовала около года и ставила целью решение общих для всех проблем, возникающих в процессе борьбы за свободу ассоциаций.

Этот первый этап развития движения закончился в 1988 г. регистрацией Общества друзей армянской культуры при Ленинградском отделении Советского Фонда культуры¹² и последующей передачей церкви Святого Воскресения Христова на Смоленском кладбище в ведение Армянской апостольской церкви. Из интервью с К.: «У нас было учредительное собрание, это был полный зал, это был большущий праздник для армян. Очень много их было, очень много интеллигенции, очень много <...> не приезжих, тогда же не было этих (беженцев. — Е. Ч.), это были все ленинградцы. И создали <...> общество, которое очень активно работало несколько лет». Под «не приезжими, ленинградцами» информантка понимает в данном случае всех армян, которые уже жили в Ленинграде к началу движения, независимо от места их социализации (сама К. приехала в Ленинград учиться из Армении в конце 50-х гг.), в отличие от мигрантов «новой волны» конца 80-х — начала 90-х гг.

Массовая мобилизация (1988—1992 гг.)

Следующий этап в развитии движения связан с так называемыми ситуативными обстоятельствами, политическими и стихийными¹³. Разразившийся армяно-азербайджанский конфликт в Карабахе, события в Баку и землетрясение в Армении — все это послужило мощным мобилизующим фактором. Именно эти события придают движению стремительность и интенсивность. С одной стороны, увеличились его внутренние ресурсы: события на Кавказе актуализировали этническую идентичность проживающих в Ленинграде армян, повлекли за собой поток беженцев, т. е. увеличили количество армян в городе и, как следствие, в движении. С другой стороны, возросли внешние ресурсы — Армения воспринималась страдающей стороной, и это обеспечило поддержку движению среди населения, городских властей и политиков: «Вообще в Питере <...>

на Дворцовой площади первый раз — это был 88-й год — 17 июня первая демонстрация была... в поддержку Карабаха» (из интервью с А.). Этот период можно также назвать периодом экстенсивной мобилизации, поскольку к движению примыкают уже не только прямо заинтересованные в его успехе¹⁴. Деятельность движения в этот период развивается в трех основных направлениях: помощь Карабаху и Армении; поддержка беженцев и пострадавших от землетрясения и оказавшихся в Ленинграде; восстановление церковного здания и приведение в порядок армянского кладбища.

Община внимательно следит за развитием событий на Кавказе. Депутаты городского совета отчитываются перед армянами города после командировок в Нагорный Карабах: «Несколько раз были случаи, когда, скажем, нас собирали <...> приезжали какие-то депутаты, ленинградцы, которые ездили в Карабах и рассказывали, что там делается» (из интервью с Л., «ленинградским» армянином). Устанавливаются тесные контакты с Арменией; например, совместными усилиями издается информационная газета: «Сюда (в общину. — Е. Ч.) поступило большое число ксерокопий различных статей об армянах, о землетрясении, о войне в Карабахе из Франции и Америки. И тогда появилась мысль сделать такое обозрение, дайджест мировой печати. Сначала мы здесь пытались, потом появился один бизнесмен из Армении, который согласился финансировать, взялся рьяно за дело, но выпускать стали там (в Ереване — Е. Ч.) газету» (из интервью с Н.).

Помощь соотечественникам на Кавказе оказывается не только материальная: «Когда была помощь после землетрясения, <...> я помню, даже присылали сюда проекты законов, мы участвовали в их редактировании от тех депутатов, которых мы подерживали тогда» (из интервью с Н.).

Для беженцев община организывает гуманитарную помощь, способствует по мере возможности в трудоустройстве. Но все проблемы вынужденных мигрантов таким путем решить было невозможно, и в 1990 г. беженцы из Азербайджана создают собственную организацию — Комитет по оказанию экономической, социальной, культурной, юридической помощи беженцам (КОЭСКО)¹⁵. Помимо поиска и распределения гуманитарной помощи, приходящей из-за границы, КОЭСКО взял на себя улаживание важнейших для беженцев проблем, связанных с обустройством в городе в сложный в социально-

